

**СТИЛИСТИЧЕСКАЯ АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДОВ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ»
И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА АНГЛИЙСКИЙ (Т. УИТНИ, 1974) И НЕМЕЦКИЙ (А. ПЕТУРНИГ, 1974) ЯЗЫКИ**
© 2018

И.А. Курбанов, кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингвистики и переводоведения
В.Э. Сало, преподаватель кафедры лингвистики и переводоведения
Сургутский государственный университет, Сургут (Россия)

Ключевые слова: метафора; интенциональный скрытый смысл; лингвистический контекст; экстралингвистический контекст; полиэквивалентность единицы перевода; стилистическая и прагматическая адекватность перевода.

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению специфики адекватного перевода метафоры, использованной в произведении А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Объектами анализа в данном случае являются само произведение А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», а также его переводы на английский (Т. Уитни, 1974) и немецкий (А. Петурниг, 1974) языки. Предметом исследования являются метафоры, используемые автором в целях формирования образа советской действительности описываемого времени, в сопоставлении с их переводами на английский и немецкий языки. Анализируется целесообразность использования тех или иных приемов перевода метафор с точки зрения экспрессивности.

Статья подчеркивает важность корректной интерпретации скрытого смысла метафоры в целях достижения максимально адекватного перевода. Поднимаются вопросы о специфике адекватного перевода скрытого смысла, характерного для метафоры, обусловленной наличием в языке перевода других (более экспрессивных, в большей степени нацеленных на открытый диалог с читателем) моделей метафорического переосмысления. Анализ степени адекватности переводов отобранных метафор позволяет выявить общие и отличительные характеристики в картинах мира адресантов и адресатов, которые являются представителями американской и немецкой лингвокультур. При этом именно отличительные характеристики создают непреодолимые барьеры для переводчика при переводе метафорических единиц. Анализ практического материала показал, что калькирование метафор в большинстве случаев приводит к потерям эмоционально-экспрессивной составляющей, являющейся ключевой в семантическом составе именно метафорических единиц, так как именно коннотации завершают полный образ описываемого объекта либо явления в сознании реципиента.

ВВЕДЕНИЕ

В реальной работе переводчик сталкивается с определенным представлением, а точнее, с субъективным или скрытым смыслом данного произведения, который К.А. Филиппов называет «личной вовлеченностью» [1, с. 33].

Анализ различных субъективных смыслов того или иного высказывания, не всегда удачный, неполный, а иногда и сомнительный, можно обнаружить в литературоведческих работах, в первую очередь в работах тех исследователей, которые опираются на семиотические, конструктивистские и деконструктивистские методы [2–4]. Переводчик стремится расшифровать субъективные смыслы исходного текста, опираясь на общие, зачастую объективные смыслы лексики. Ее интерпретация часто субъективна, подчинена собственному когнитивному опыту переводчика, обусловлена его умением понять нечто конкретное, субъективное, сопоставляя его с общим и объективным [5]. Именно поэтому один и тот же текст интерпретируется разными переводчиками по-разному, поэтому в практике перевода художественной литературы множественные переводы одного и того же сложного по своей поэтике произведения – самое обычное дело. Аналогичным образом один и тот же перевод нередко вызывает диаметрально противоположные оценки критиками, обусловленные или же чрезвычайно буквальной и потому стилистически некорректной передачей содержания текста оригинала, или же, напротив, слишком вольными и сомнительными интерпретациями той или иной единицы перевода.

Переводчик, стремясь расшифровывать скрытые смыслы исходного текста художественной литературы, по мнению Н.К. Гарбовского, совершает широкий круг семасиологических операций, следуя от единицы перевода (слова, словосочетания, предложения) к ее семантическим и прагматическим значениям, определяя ее предметную специфику (денотативное значение / концептуальный смысл), выясняя общую, объективную информацию о референте (обозначаемом явлении, предмете или свойстве), пытаясь выявить скрытый интенциональный / субъективный смысл данной единицы перевода, ту информацию о референте, которая является максимально значимой для автора конкретного текста [6].

«Вряд ли стоит отрицать, что многие потери при переводе носят объективный характер, что переводчик скован системными межъязыковыми расхождениями, асимметрией культурных реалий, стилистическими нормами... Эти и другие столь же объективные факторы, влияющие на степень переводимости... влияют на переводческий выбор» [6, с. 283]. Зачастую они обусловлены субъективными факторами, а именно способностью конкретного переводчика верно и максимально точно и детально интерпретировать то, что зашифровано автором, выбирающим в тексте оригинала метафору той или иной концептуальной специфики.

Говоря о значении тех или иных единиц перевода, нужно учитывать, как, где и зачем они используются. Именно лингвистический контекст – как максимально узкий (т. е. одно определенное словосочетание или

предложение, в котором они используются), так и максимально широкий (т. е. ближайшие соседние предложения, целый абзац, глава, принадлежность текста к конкретному жанру и типу дискурса и т. д.) – играет решающую роль при передаче их значения, т. е. при выборе в качестве семантического эквивалента лексики другого языка [7; 8].

Благодаря контексту в метафоре, как отдельной единице перевода, выявляют характерное для нее конкретное или абстрактное, прямое или переносное, семантическое и прагматическое значение [9]. Феномен контекстуальных зависимостей использующихся метафор предопределяет как пространственно-временные, так и причинно-следственные характеристики выбора переводчиком того или иного эквивалента.

Лингвистический, а также экстралингвистический (исторический, культурный, социологический, политический, экономический, психологический, идеологический и т. п.) контекст являются своего рода фильтром, играющим свою особую роль, проясняя и конкретизируя их интенциональный имплицитный смысл, создавая вокруг них определенный спектр ассоциаций [10]. В справедливости данного суждения несложно убедиться при переводе такой полиэквивалентной единицы перевода, как экспрессивно-оценочная метафора [11], буквальная интерпретация которой делает текст перевода стилистически неадекватным.

Цель работы – анализ степени эквивалентности и адекватности переводов метафорических единиц, так как соблюдение этих критериев помогает максимально достичь коммуникативной цели автора произведения.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

В связи с тем, что объектом исследования являются метафорические единицы оригинала произведения А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», а также принципы и приемы их передачи на английский и немецкий языки, в работе были использованы следующие филологические, стилистико-сопоставительные и переводоведческие методы:

- метод сплошной выборки;
- классификация;
- метод сопоставительного лингвистического анализа оригинала и его переводов;
- метод контрольного сопоставления перевода произведения «Архипелаг ГУЛАГ» на английский язык с переводом этого произведения на немецкий язык;
- лингвокультурологическая характеристика исследуемых явлений с учетом национальных особенностей соответствующих языков и культур.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выполненный бесплатно Т. Уитни вариант перевода на английский язык первых двух частей романа «Архипелаг ГУЛАГ», опубликованный в 1974 году, во многом привел к сомнениям и колебаниям самого А.И. Солженицына, осознавшего, что душевные страдания и протест героев против советского режима оказались выраженными поверхностно, шаблонно, стереотипно, а потому вряд ли смогут задеть психологические, философские, этические и эстетические струны в самосознании англоязычного читателя [12].

Вышедший в том же в 1974 году вариант перевода первой части романа «Архипелаг ГУЛАГ» на немецкий язык (А. Петурниг) оказался также недостаточно глубоким и ориентированным в большей степени на сохранение синтаксической структуры каждого отдельного предложения, чем на сохранение в нем языковой игры, мотивированной использованием метафоры и многих других стилистических приемов, обеспечивающих речевой портрет произвола тоталитарной власти, беззащитности каждого отдельного гражданина, поиска и истребления так называемых «врагов народа», возвращения в Россию с приходом к власти большевиков новой, еще более чудовищной разновидности крепостного права.

Обратив внимание на переводы романа «Архипелаг ГУЛАГ» Т. Уитни и А. Петурниг, мы сможем обнаружить примеры достаточно стилистически и прагматически адекватной интерпретации метафоры.

«Со **стеснением** в сердце я годами **воздерживался** от печатания этой уже готовой книги: **долг** перед еще живыми перевешивал **долг** перед умершими» [13, с. 15]. (здесь и далее выделено нами. – И.К., В.С.)

*“For years I have with **reluctant heart withheld** from publication this already completed book: my **obligation** to those still living outweighed my **obligation** to the dead”* [14, p. 10].

*“**Bedrückten Herzens** habe ich das fertige Buch jahrelang **zurückgehalten**: Die **Pflicht** gegenüber den noch Lebenden überwog die **Pflicht** gegenüber den Verstorbenen”* [15, s. 21].

Калькирование антропоморфной метафоры «сердце» («центральный орган кровеносной системы в виде мускульного мешка, располагающийся в левой стороне груди человека / совокупность душевных свойств человека; способность чувствовать и понимать» [16, с. 712]) / *“heart”* («сердце (орган тела) / душа» [17, p. 334]) / *“Herz”* («сердце (орган тела) / душа» [18, s. 112]) в данном случае не является недостатком, поскольку и в русском, и в английском, и в немецком языке имеются сходные модели семантической деривации.

Сходным образом и калькирование социоморфной метафоры «долг» («денежная сумма, взятая в займы на определенный срок и на определенных условиях / нравственные обязанности человека, выполняемые из побуждений совести, как категория этики» [16, с. 173]) / *“obligation”* («обязанность; долг / чувство благодарности, признательности» [17, p. 494]) / *“Pflicht”* («долг; обязанность / нравственное побуждение» [18, s. 498]) не делает тексты перевода стилистически неадекватными.

Использование приема замены части речи и контекстуальной замены при переводе антропоморфной метафоры «стеснение» («проявление стеснительности, ощущение неловкости, смущения» [16, с. 767]) / *“reluctant”* («неохотный; вынужденный, вырванный силой» [17, p. 610]) / *“bedrücken”* («притеснять, угнетать / огорчать, печалить, приводить в уныние; тяготить» [18, s. 75]) во многом обеспечивает достаточно точную, экспрессивную и эмоциональную передачу в английском и немецком переводах состояния души жертвы сталинских концлагерей.

«Традиционный арест – это еще потом, после увода **взятого** бедняги, многочасовое **хозяйничанье** в квартире жесткой чужой **подавляющей силы**. Это – **взламывание, вскрывание, сброс и срыв** со стен, выброс на пол из шкафов и столов, **вытряхивание, рассыпание,**

разрывание – и нахламление горами на полу, и хруст под сапогами. И ничего святого нет во время обыска!» [13, с. 17].

“The traditional image of arrest is also what happens afterward, when the poor victim has been taken away. It is an alien, brutal, and crushing force totally dominating the apartment for hours on end, a breaking, ripping open, pulling from the walls, emptying things from wardrobes and desks onto the floor, shaking, dumping out, and ripping apart – piling up mountains of litter on the floor – and the crunch of things being trampled beneath jackboots. And nothing is sacred in a search!” [14, p. 5].

“Die traditionelle Verhaftung hat noch eine stundenlange Fortsetzung, später, wenn der arme Sunder längst abgeführt ist und die brutale, fremde, erdrückende Gewalt sich der Wohnung bemächtigt. Das sieht so aus: Schlösser aufbrechen, Polster aufschlitzen, alles von den Wänden runter, alles aus den Schranken raus, ein Herumwühlen, Ausschütten, Aufschneiden, ein Reißen und Zerren – und Berge von Hausrat auf dem Boden, und Splitter unter den Stiefeln. Und nichts ist ihnen heilig während der Haussuchung!” [15, s. 4].

Сходным образом и в данном случае речевой портрет произвола тоталитарной власти, беззащитности каждого отдельного гражданина, озлобления режима по отношению к так называемым «врагам народа» воссоздается достаточно адекватно:

жесткая чужая подавляющая сила – *alien, brutal, and crushing force totally dominating – brutale, fremde, erdrückende Gewalt*;

нахламление горами – *piling up mountains of litter – Berge von Hausrat*;

ничего святого нет – *nothing is sacred – nichts ist heilig*.

Из представленных в тексте оригинала метафор лишь социоморфная «хозяйничанье» (хозяйничать = «вести хозяйство где-либо, распоряжаться по хозяйству, хлопотать по дому / распоряжаться, делать что-либо по своему, по своему усмотрению / распоряжаться не по праву, чиня произвол» [16, с. 866]) / *“dominate”* («управлять, контролировать / оказывать преобладающее влияние, всецело поглощать / доминировать, господствовать, занимать господствующее положение» [17, р. 212]) / *“bemächtigen (sich)”* («завладевать, овладевать; захватывать» [18, s. 82]), воссоздающаяся в переводе при помощи замены части речи, в некоторой степени недостаточно точно передает скрытый смысл, обусловленный пониманием России как дома, а российского народа как патриархальной семьи, в которой имеет место диктатура власти (своего рода отца) над детьми (оторванными от власти слоями населения).

Обратив же внимание на многие другие метафоры, мы можем обнаружить, что характерный для них интенциональный скрытый смысл в текстах перевода оказывается частично утраченным или в значительной степени искаженным.

«Они оставляли русским юношам искать азимут жизни. Так метался Юрий, спешил видеть, спешил знать, а между тем по исконной русской манере всё чаще и всё глубже окунал свое смятение в водку» [13, с. 45].

“They left it to young Russian people to find for themselves what was highest in life. And Yuri dashed back and forth, in a hurry to see, in a hurry to know, and meanwhile, in accordance with ancient Russian tradition, he kept

drowning his confusion more and more often and more and more deeply in vodka” [14, p. 20].

“Sie schickten die russischen Jünglinge allein auf die Suche nach dem Azimut des Lebens. So irrte Jurij umher und beeilte sich zu sehen, beeilte sich zu erfahren und tauchte seine Verwirrung nach uralter russischer Manier immer öfter und immer tiefer in Wodka ein” [15, s. 19].

Калькирование социоморфной метафоры «азимут («угол между плоскостью меридиана точки наблюдения и вертикальной плоскостью, проходящей через данную точку и какое-либо светило, измеренный по горизонту») жизни» в немецком переводе (*“Azimut des Lebens”*) во многом указывает на его шаблонность, отсутствие у переводчика стремления сделать перевод более стилистически адекватным для читателя.

Описательный перевод данной метафоры, использованный в английском переводе – *“what was highest in life”*, во многом помогает английскому читателю понять мировоззрение А.И. Солженицына и героев его книги глубже.

При переводе антропоморфной метафоры «всё глубже окунал свое смятение в водку» (англ. *“kept drowning his confusion more and more deeply in vodka”*, нем. *“tauchte seine Verwirrung tiefer in Wodka ein”*) в значительной степени утрачивается экспрессивность, обусловленная использованием лексического повтора частицы «всё чаще и всё глубже», «употребляющейся при подчеркивании, усилении значения (обычно в сочетании со сравнительной степенью прилагательных или наречий, а также с глаголами, обозначающими увеличение или уменьшение» [16, с. 104]) данной развернутой метафоры.

В результате открытый диалог автора с читателем в английском и немецком переводах оказывается лишенным стремления автора разбудить в сознании читателя проявление симпатии и солидарности к лишенному дружеской и моральной поддержки узнику Гулага.

«Юрий ждал, что у всех у них, что у Бунина – каждая страница истекает живыми ранами России. Но что с ними? На что растражили они неоценимую свободу? Опять о женском теле, о взрыве страсти, о закатах, о красоте дворянских головок, об анекдотах запыленных лет» [13, с. 51].

“Yuri had anticipated that in all their writing, in Bunin's, for example, the blood flowing from Russia's living wounds would pour from every page. What was wrong with them? To what did they devote their unutterably precious freedom? To the female body, to ecstasy, sunsets, the beauty of noble brows, to anecdotes going back to dusty years” [14, p. 41].

“Jurij hatte erwartet, daß Bunin, daß sie alle auf jeder Seite vor Schmerz um Rußland vergingen. Und was war? Worauf hatten sie die unschätzbare Freiheit verschwendet? Wieder ging es um den weiblichen Körper, um die Flammen der Leidenschaft, um Sonnenuntergänge, hübsche adlige Köpfechen und Anekdoten aus längst verstaubten Jahren” [15, s. 39].

В данном случае налицо существенная стилистическая неадекватность перевода метафоры, обусловленная стиранием в переводе характерного для нее скрытого смысла по причине дословного перевода (либо калькирования): «живые раны» / *“living wounds”* / *“Schmerz”* («боль, страдание; скорбь, горе, печаль» [18, s. 552]), «запыленных лет» / *“dusty years”* / *“verstaubten Jahren”* [19].

Для носителей русской лингвокультуры очевидна экспрессивность этих глубинных метафор-аллюзий. Их интенциональный скрытый смысл во многом обусловлен пониманием страданий русского народа [20]. Причем страдания можно рассматривать в качестве постоянного элемента человеческого существования, тогда «поднятие пыли» легко интерпретировать как переход к сильному раздражению, проявлению неудовольствия и гнева, что в английском и немецком переводах в значительной степени оказывается менее ясно выраженным и искаженным.

«Скорей, скорей, хватаемся за одеяла! Как на фронте не знаешь, не обрушится ли шквал снарядов, вот сейчас, через минуту, возле тебя, – так и здесь мы не знаем своей роковой допросной ночи. Мы ложимся, мы выставляем одну руку поверх одеяла, мы стараемся выдуть ветер мыслей из головы. Спать!» [13, с. 133].

“Quick! Quick! Grab a blanket! Just as you never knew at the front when a hail of shells would begin to fall all around you, here you didn't know which would be your fateful interrogation night. And we would lie down with one arm on top of the blanket and try to expel the whirlwind of thought from our heads. Go to sleep!” [14, p. 105].

“Hurtig, hurtig unter die Decken! Wie du an der Front nicht weißt, ob nicht jetzt gleich, dicht neben dir, ein Kugelhagel niedergeht, so wissen auch wir nicht, wann jedem die Schicksalsstunde des Verhörs schlägt. Wir legen uns nieder, wir strecken den einen Arm unter der Decke hervor, wir versuchen, den Wirbel der Gedanken aus unserem Kopf zu blasen. Schlafen!” [15, s. 101].

Калькирование метафорического выражения «Скорей, скорей, хватаемся за одеяла» / “Quick! Quick! Grab a blanket!” / “Hurtig, hurtig unter die Decken!” во многом мешает английскому и немецкому читателю догадаться, что желание «укрыться одеялом» мотивировано не столько подготовкой ко сну, сколько желанием защитить себя от невзгод и неприятностей, кошмаров неволи.

Калькирование метафорического выражения «выдуть ветер мыслей из головы» / “expel the whirlwind of thought from our heads” / “den Wirbel der Gedanken aus unserem Kopf zu blasen” в значительной степени лишает тексты перевода ориентации текста оригинала на спонтанную, непринужденную разговорную речь.

В результате представленная в романе несобственная прямая речь оказывается шаблонной и стереотипной.

«Таким образом традиция пунктирчиком тянулась, но была она слишком расхлябанная, пригодная для азиатской страны дремлющей, но не прыгающей вперед. И потом эта обезличка: кто же был ОСО? То царь, то губернатор, то товарищ министра. И потом, простите, это не размах, если можно перечислить имена и случаи» [13, с. 51].

“Thus the tradition of the “dotted line” – the administratively issued sentence – dragged on. But it was too lax; it was suitable for a drowsy Asiatic country, but not for a country that was rapidly advancing. . . . Moreover, it lacked any definite identity: who was the OSO? Sometimes it was the Tsar, sometimes the governor, sometimes the deputy minister. And if it was still possible to enumerate names and cases, this was not, begging your pardon, real scope” [14, p. 40].

“So zog sich die Tradition als flotter roter Faden dahin, zu schludrig war sie allerdings, geeignet höchstens

für ein asiatisches schlummerndes Land, nicht für eines, das große Sprünge unternehmen wollte. Und dann der unpersönliche Arbeitsstil: Wer war am Ende der OSO? Mal der Zar, mal der Gouverneur, mal der Vizeminister. Und schließlich, verzeihen Sie mir, fehlte der Schwung; Kleinkrämerei das, solange man Namen und Fälle aufzählen konnte” [15, s. 38].

Представленная в данном фрагменте романа метафорически разнообразная и богатая несобственная прямая речь оказывается в английском и немецком переводах неоправданно шаблонной и стандартизированной:

пунктирчиком тянулась / “dotted line” – the administratively issued sentence – dragged on / zog sich als flotter roter Faden dahin;

азиатской страны дремлющей / drowsy Asiatic country / asiatisches schlummerndes Land;

прыгающей вперед / rapidly advancing / nicht für eines, das große Sprünge unternehmen wollte;

не размах / it lacked any definite identity / fehlte der Schwung.

Такие социально-экономические клише, как “rapidly advancing” («быстро развивающийся», “lacked any definite identity” («не иметь определенной индивидуальности»), на наш взгляд, в значительной степени искажают представленное в романе самосознание жертвы «красного» террора, представляя его как набор публицистических клише.

Использование в английском переводе экспликации «пунктирчик / “dotted line” – the administratively issued sentence”, расшифровывая семантику данной общественно-политической реалии, превращает данную несобственную прямую речь в своего рода энциклопедию.

«(Ах, неосторожный прапорщик! – через 20 лет припомнят тебе на Лубянке этот процесс!) Легко догадаться, что мог говорить Дзержинский: что Косырев – железный чекист, беспощадный к врагам; что он – хороший товарищ. Горячее сердце, холодная голова, чистые руки» [13, с. 56].

“Alas, you careless shavetail, you! In twenty years' time, in the Lubyanka, they are going to remind you of that trial!) It is easy to guess what Dzerzhinsky could have said: that Kosyrev was an iron Chekist, merciless to their enemies; that he was a good comrade. A hot heart, a cool head, clean hands” [14, p. 38].

“(Ach, wie unvorsichtig, dieser Fähnrich! Zwanzig Jahre später werden sie ihm diesen Prozeß auf der Lubyanka heimzahlen!) Es ist leicht zu erraten, was Dzerschinski gesagt haben konnte: daß Kossyrew ein eiserner Tschekist war und unbarmherzig gegen die Feinde, zudem ein guter Genosse. Heißes Herz, kühler Kopf, saubere Hände” [15, s. 35].

Вновь, как мы видим, принадлежность метафоры к разговорной речи в текстах перевода не находит своего отражения. Метафоры воспроизводятся буквально / калькируются:

припомнить – remind – heimzahlen;

железный чекист – iron Chekist – eiserner Tschekist;

горячее сердце – hot heart – Heißes Herz;

холодная голова – cool head – kühler Kopf;

чистые руки – clean hands – saubere Hände.

Естественно, шаблонность перевода метафоры делает текст перевода семантически, стилистически и прагматически недостоверным.

Внимание переводчика к семантике метафоры «железный» (сильный, твердый по характеру) могло бы сделать перевод более стилистически корректным. Так, на наш взгляд, метафору «железный» лучше было бы воспроизвести в английском переводе при помощи *“iron-hard”, “unyielding”, “firm”; “steadfast”, “unfaltering”, “backboned”*.

Как мы видим, в языке перевода зачастую можно обнаружить сходные по своей производной семантике метафоры, более экспрессивные, чем перевод калька: *“backboned”* (позвоночный / твёрдый, решительный).

Понимание английским читателя в данном случае не как существа, выплавленного из железа, а как существа с развитым, мощным позвоночником (*“backbone”* – «спинной хребет, позвоночник / твёрдость характера» [17, p. 46]), на наш взгляд, отнюдь не исказило бы текст перевода, а, напротив, сделало бы его более стилистически адекватным.

«Узнать ВСЕ, что делается ВСЮДУ?!. Не хочет быть слепым?!. Так справедливо же квалифицирует их действие обвинитель как предательство! предательство по отношению к Советской Власти!» [13, с. 85].

“To find out everything about what's going on everywhere? He doesn't want to be blind? Well, all one can say is that the accuser correctly described their actions as treason, treason to Soviet power!” [14, p. 71].

“Alles erfahren, was anderswo geschieht?!. Nicht blind sein wollen?!. Zu Recht werden ihre Taten vom Ankläger als Verrat qualifiziert: als Verrat gegenüber der Sowjetmacht!” [15, s. 69].

Вновь, как мы видим, и Т. Уитни, и А. Петурниг не стремятся добиться максимальной экспрессивности при переводе метафоры, воспроизводя ее как семантически непродуманное слово «слепой» («тот, кто лишен зрения» [16, с. 729]) / *“blind”* / *“blind”*.

Несмотря на то, что выбранные Т. Уитни и А. Петурниг эквиваленты имеют сходное метафорически производное значение «невежественный, непросвещенный, недалекий», «не замечающий происходящего вокруг», «не способный правильно судить о чем-либо, действующий “вслепую”, не думая» [16, с. 729], на наш взгляд, отход от шаблона при переводе данной антропоморфной метафоры, выбор, например, такого варианта, как *“dull-witted”, “not bright”, “dim”, “dim-witted”, “spoon(e)y”, “small-minded”, “one-eyed”* в английском переводе помог бы добиться большей полифоничности текста перевода, сделать диалог с читателем максимально открытым, искренним, а не фальшивым.

Как нам представляется, наиболее стилистически адекватным было бы использование метафоры *“one-eyed”* (одноглазый / ограниченный, недалекий), поскольку она также мотивирована метафорической моделью «зрение – кругозор».

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Как показывает переводческая практика, в большинстве случаев калькирование метафор в значительной степени лишает тексты перевода необходимой им экспрессивности и эмоциональности. Однако, если в языке перевода и языке оригинала имеются сходные модели семантической деривации, калькирование вполне точно передает скрытый смысл метафорической единицы. В противном случае в целях достижения аде-

кватности переводчик вынужден использовать переводческие трансформации. Поскольку в рассмотренных переводах произведение метафора в большинстве случаев калькируется, критическая оценка во многом указывает на то, что переводы метафор на английский и немецкий языки, выполненные Т. Уитни (1974) и А. Петурниг (1974), не всегда можно считать стилистически адекватными. Несмотря на то, что переводы произведения «Архипелаг ГУЛАГ» в целом получили негативную оценку со стороны самого А.И. Солженицына, результаты анализа в рамках данной статьи позволяют выявить примеры стилистически адекватного перевода метафорических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб.: СПбГУ, 2003. 329 с.
2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки славянской культуры, 1999. 288 с.
3. Гранин Д.А. Скрытый смысл. СПб.: Алетейя Историческая книга, 2009. 263 с.
4. Бузаджи Д.М. Связная речь. О сочетаемости в переводе // Мосты. Журнал переводчиков. 2009. № 3. С. 46–55.
5. Молчанова Г.Г. Английский язык как неродной. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 384 с.
6. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2002. 544 с.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Альянс, 2013. 250 с.
8. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
9. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: URSS Ленанд, 2015. 443 с.
10. Ланчиков В.К. Топография поиска. Стандартизация в языке художественных переводов и её преодоление // Мосты. Журнал переводчиков. 2011. № 2. С. 30–38.
11. Борисенко А.Л. Ещё раз о буквализме // Мосты. Журнал переводчиков. 2008. № 1. С. 7–14.
12. Bond A. A study of the English and the German translations of Alexander I. Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago". Vol. 1. Berne: PETER LANG, 1983. 322 p.
13. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. В 3 т. Т. 1. Ч. 1–2. М.: ПРОЗАИК, 2011. 592 с.
14. Solzhenitsyn A.I. The Gulag Archipelago 1918–1956: An experiment in literary investigation. [Vol. 1], [Parts] 1, 2 / translated by Thomas P. Whitney. N.Y.: Haiper & Row Publishers, 1974. 660 p.
15. Solschenizyn A.I. Der Archipel GULAG / Übersetzung von Anna Peturnig. Bern, München: Scherz Verlag, 1974. 621 s.
16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образование, 2015. 1375 с.
17. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь. М.: Хит-книга, 2016. 958 с.
18. Зедлингер А., Иордан Я. Большой немецко-русский словарь. Киев: Арий, 2013. 600 с.
19. Collins English Dictionary. London: HarperCollins Publishers, 2014. 1985 p.

20. Балашова Л.В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
- REFERENCES**
1. Filippov K.A. *Lingvistika teksta* [Text linguistics]. Sankt Petersburg, SPbGU Publ., 2003. 329 p.
 2. Vezhbitskaya A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and language description]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 1999. 288 p.
 3. Granin D.A. *Skrytiy smysl* [Hidden meaning]. Sankt Petersburg, Aleteyya Istoricheskaya kniga Publ., 2009. 263 p.
 4. Buzadzhi D.M. Connected speech. Convergence in translation. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 2009, no. 3, pp. 46–55.
 5. Molchanova G.G. *Angliyskiy yazyk kak nerodnoy* [English as a non-native language]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2007. 384 p.
 6. Gabrovsky N.K. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow, MGU Publ., 2002. 544 p.
 7. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda* [Translation theory]. Moscow, Alyans Publ., 2013. 250 p.
 8. Vezhbitskaya A. *Sopostavlenie kultur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2001. 272 p.
 9. Arnold I.V. *Semantika. Stilistika. Intertekstualnost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Moscow, URSS Lenand Publ., 2015. 443 p.
 10. Lanchikov V.K. A topography of search. Standardization in the language of artistic translation and its overcoming. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 2011, no. 2, pp. 30–38.
 11. Borisenko A.L. Once again about literalism. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 2008, no. 1, pp. 7–14.
 12. Bond A. *A study of the English and the German translations of Alexander I. Solzhenitsyn's "The Gulag Archipelago"*. Berne, PETER LANG, 1983. Vol. 1, 322 p.
 13. Solzhenitsyn A.I. *Arhipelag GULAG. 1918–1956: Opyt khudozhestvennogo issledovaniya. V 3 t. T. 1. Ch. 1–2* [The Gulag Archipelago. 1918–1956: Experience of artistic research. Vol. 1, part. 1–2]. Moscow, PROZAiK Publ., 2011. 592 p.
 14. Solzhenitsyn A.I. *The Gulag Archipelago 1918–1956: An experiment in literary investigation*. [Vol. 1], [Parts] 1, 2 / translated by Thomas P. Whitney. N.Y., Haiper & Row Publishers, 1974. 660 p.
 15. Solschenizyn A.I. *Der Archipel GULAG / Übersetzung von Anna Peturnig*. Bern, München, Scherz Verlag, 1974. 621 s.
 16. Ozhegov S.I. *Tolkoviy slovar russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 2015. 1375 p.
 17. Myuller V.K. *Bolshoy anglo-russkiy slovar'* [The big English-Russian dictionary]. Moscow, Khit-kniga Publ., 2016. 958 p.
 18. Zedlinger A., Iordan Ya. *Bolshoy nemetsko-russkiy slovar'* [Großes deutsch-russisches Wörterbuch]. Kiev, Ariy Publ., 2013. 600 p.
 19. *Collins English Dictionary*. London, HarperCollins Publishers, 2014. 1985 p.
 20. Balashova L.V. *Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Russian metaphor: past, present, future]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2014. 496 p.

STYLISTIC ADEQUACY OF METAPHORICAL ITEMS' TRANSLATION IN A.I. SOLZHENITSYN'S NOVEL "THE GULAG ARCHIPELAGO"

AND ITS TRANSLATIONS INTO ENGLISH (TH. P. WHITNEY, 1974) AND GERMAN (A. PETURNIG, 1974)

© 2018

I.A. Kurbanov, PhD (Linguistics), Professor, Head of Chair of Linguistics and Translation Studies

V.E. Salo, lecturer of Chair of Linguistics and Translation Studies
Surgut State University, Surgut (Russia)

Keywords: metaphor; intentional implicit meaning; linguistic context; extralinguistic context; polyphonic translation item; stylistic and pragmatic equivalence.

Abstract: The paper considers the specifics of adequate translation of the metaphors used in the work "The Gulag Archipelago" by A.I. Solzhenitsyn. In the given case, an object of the analysis is the work of literature "The Gulag Archipelago" by A.I. Solzhenitsyn as well as its English and German translation made by Thomas P. Whitney (1974) and Anna Peturnig (1974) consequently. The subject of the research is the metaphors used by the author to produce the image of the Soviet reality of that time in comparison to its translations both into English and German languages. The paper analyzes the relevance of the applied techniques of metaphors' translation on the subject of retaining expressive and emotional connotations.

The paper emphasizes the significance of accurate interpretation of the implicit meaning of a metaphor to achieve the adequate translation to the most extent. The authors pay attention as well to adequate translation of implicit metaphor meaning due to the opportunity of using some different much more expressive metaphorical models enabling to make dialogue with the targeted readers much more open and efficient. The analysis of the adequacy of the translations of the selected metaphors allows identifying the common and distinctive characteristics of the world images of the addresser and the addressee who are the representatives of the American and German linguocultures. These are the distinctive characteristics that cause hardly surmountable obstacles for a translator while translating metaphorical items. The analysis of practical data showed that in most cases a loan translation of metaphors results in the emotional and expressive losses which affect their objective comprehension as the connotations are the key factor helping to complete the image of the depicted item or phenomenon in the recipient's mind.